

18+

АЛЕКС ЛОРЕНЦ

УПОРОВА ТОПЬ:
СКВОЗЬ МИРЫ
повесть ужасов

Алекс Лоренц

Упорова Топь: Сквозь миры

<https://litres.ru/74340817>

ISBN 9785007097093

Аннотация

Если твой друг исчез в окрестностях деревни Упорова Топь, не пытайся его искать. Про это селение ходят нехорошие слухи, даже в газетах о нём писали. С чем только не повстречаешься там, где границы между реальностями пронизаны кротовыми норами. Каждая дорога здесь — новый виток ужаса, юродивые селяне травят чудовищные байки, девушка выходит замуж за похоронный портрет, а тень, что шныряет меж миров, питается ТВОЕЙ застарелой болью... и заманивает тебя всё глубже, в самые кошмарные, нижние миры.

Содержание

Предисловие Алекса Лоренца	5
23 сентября	7
24 сентября	12
25 сентября	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Упорова Топь: Сквозь миры

Алекс Лоренц

...мир, что мы видим вокруг, — иллюзия, а то, что не видим и увидеть не можем, — настоящая реальность. Мириады вселенных Эверетта существуют в вечной суперпозиции. И только сознание почему-то существует не в суперпозиции, а проскальзывает лишь в одну классическую реальность. Почему? Эверетт только пожимал плечами. И был прав: он сделал из математического формализма неумолимый логический вывод о множественности миров и о том, что никакой редукции нет. Это напрямую вытекало из формул квантовой механики. А уж почему мы редукцию видим и осознаём, это пусть разбираются те, кто изучает сознание...

Александр Никонов, «Квантовая механика и парадоксы сознания».

© Алекс Лоренц, 2026

ISBN 978-5-0070-9709-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие Алекса Лоренца

Осень 2025-го перевалила за середину. Набрякли грузные облака, леса пожухли и всюю облетали. Моросил временами мелкий дождик, дохнуло с севера первыми холодами. Каждый год в эту пору, в середине октября, меня тянет побыть наедине с осенью. В один из свободных дней я уезжаю на пригородную железную дорогу «Брянск — Дудорово», закрытую в 2009-м, — шагаю с конечной остановки километра два-три, останавливаюсь на насыпной дамбе через ручей Калинка, наливаю кружку чаю или чего покрепче — и долго вглядываюсь в заводь, что укрывает зелёная простыня ряски, которую местами пронзают обглоданные годами и сыростью стволы деревьев — серые, растрескавшиеся, похожие на лежалые слоновьи бивни. Заводь, сужаясь клином, уходит вдаль, насколько хватает зрения. На грунтовой дороге, что тянется по дамбе, редко встретишь пешего путника или автомобиль, так что и в этот раз я был один.

Когда я стал собираться в обратный путь, взгляд зацепился за чёрный рюкзак под кустом на спуске, ближе к воде. Удивительно, что я его не заметил, просидев у заводи добрых полчаса: вон же он — считай, на самом видном месте, а зрение у меня хорошее.

Долго глядел я на тот рюкзак. Оно, конечно, неприлично копаться в чужих вещах, даже брошенных, но любопытство

всё же взяло верх. Я спустился по крутому склону, взял рюкзак — лёгкий, почти пустой, — снова взобрался на дамбу, уселся на поваленный бетонный столб.

Внутри — старый шерстяной свитер, упаковка бумажных платков, шариковая ручка да пухлый блокнот. Ни документов, ни ключей, ни денег — ничего ценного. Хотя... а вдруг этот самый блокнот — то, что под его обложкой, — владельцу ценнее любых документов и денег?!

Во мне разыграл уже не обывательский, а писательский интерес. Я привык, что сюжеты выпрыгивают, откуда не ждёшь, а тут сама судьба подталкивала ухватиться за возможность.

Я поправил покрывальце, на котором сидел, устроился поудобнее, раскрыл блокнот. Зашелестели покоробленные сыростью нелинованные страницы плотной бумаги, испещрённые убористыми строками. Я начал читать.

23 сентября

Сам я не собирался вести дневник — психотерапевт настоял. Убедил, что это поможет избавиться от навязчивых мыслей. Особенно, говорит, если относиться к дневнику как к надёжному другу и ничего от него скрывать. Что происходит вокруг, о том и пишешь. Или о том, что будет. Что ж, попробуем. Хорошо, если и вправду поможет. За последний год я здорово обленился, отвык от самодисциплины — не работаю, проедаю накопления, увлечения забросил. Ещё и к бутылке пристрастился от безделья. Может, дневник как раз и станет решающим шагом обратно в нормальную жизнь?..

Зато блог с путаными воспоминаниями о жене, который много месяцев был моим безрадостным спутником-тенью, психотерапевт вести запретил — объяснил, что вцепляться мёртвой хваткой в былое не помогает, а только вредит.

Беда стряслась в декабре прошлого года. Мою жену звали Лилия. Первое время отношения у нас складывались идиллически, но когда мы съехались, меня очень скоро стали раздражать её бытовые привычки, а Лилию — мои. Она ещё и взялась ревновать меня к каждому столбу, устраивать сцены одна другой истеричнее. Года через полтора после свадьбы дело покатило к разводу. Какое-то время мы размышляли об этом порознь, вслух говорить не решались. А потом меня прорвало — и тут уже я устроил сцену с криками, обвине-

ниями, порчей мебели. Лиля плакала, но согласилась: развестись надо. Мы выждали несколько недель, потом подали заявление. Как оказалось, с даты подачи до вступления в силу должен пройти месяц. Если бы не идиотские порядки и не куча времени на пустые раздумья, от которых всегда только хуже, то всё сложилось бы иначе.

Как и стоило ожидать, заявление мы отозвали — наивно понадеялись, будто сумеем починить то, чему давно пора на свалку. Как и стоило ожидать, то хорошее, что между нами когда-то было, не вернулось, а плохое продолжило расти снежным комом.

Однажды в выходной мы ездили за покупками. Все городские магистрали тогда встали в одном большом заторе. Я знал путь от гипермаркета до нашего микрорайона по грунтовке через поле. После дождей резко ударили морозы — лужи заледенели, а сверху их припорошило снежком.

В машине мы повздорили — началось со спора о мелочах. Что-то в моих словах её задело, она отпустила обидную колкость. Слово за слово — ситуация накалилась. У меня снесло крышу — я вмазал по газам, под позёмкой оказался лёд, машину занесло. Я крутанул руль не в ту сторону — не к заносу, а от него. Автомобиль кувыркнулся через себя, встал на колёса, я от удара потерял сознание. Когда очнулся, Лиля была мертва — ей свернуло шею: на съезде с трассы она отстегнула ремень безопасности, а я не отстегнул. Кто мог знать...

Дальше — госпитализация, подписка о невыезде, следствие, суд. Родственники похоронили её без моего участия, пока я был прикован повреждениями к больничной койке. Естественно, они меня проклинали. Угрожали, обещали, что «закопают». В итоге мне впаили условку — легко отделался.

Без малого год я пил — не запоем, без потери человеческого облика, зато почти каждый день. Превратился в тихого домашнего пьяницу: постепенно деградировал, терял интерес к жизни за пределами стакана. В редкие ночи, когда ложился спать трезвым, мне снилась нелепая автокатастрофа, что унесла жизнь человека, которого я любил, хоть брак наш и смахивал на активные боевые действия. Впрочем... кого я обманываю. Авария не случается сама по себе. Это я, только я виновен. Развод нужно было довести до конца, проявить волю — тогда оба мы сейчас были бы живы, здоровы и, возможно, даже счастливы.

Пока я ещё не опустил окончательно и пока путь назад не обещает быть слишком трудным, я решился взять себя в руки — обратился к психотерапевту. Садиться на таблетки не хотелось, я настроился управиться силами своего организма.

Сеансы психотерапии помогли. Пить я пока не бросил, но стал ощущать что-то вроде вкуса к жизни. Он едва проклюнулся, как росток первого подснежника после затяжной зимы, но я чувствую: перемены к лучшему не за горами.

Терапевт утверждает, что к нормальности надо возвращать-

ся шаг за шагом. Одна из ступенек — социализация. Не то чтобы люди от меня отвернулись, я сам перестал идти на контакт: мне легче напиваться наедине со своими серыми мыслями, чем натянуто улыбаться, подбирать слова, произносить или печатать их...

Социализация. У меня были когда-то друзья, приятели. Вот Андрюха, например. После одиннадцатого класса я уехал учиться в Москву, а он остался тут, поступил на журфак. Четыре года корпел над книжками, чтоб потом за копейки работать в загнивающей тутошной газетёнке. Катается по медвежьим углам, разыскивает сенсации, а получается как в пародийной песне — «у нас богатый колхоз, мы производим навоз». С Андреем мы раз в несколько месяцев встречались попить пива — то у него дома (та ещё холостяцкая конура!), то в баре. Из года в год он живописал мне, в каком маразме погрязла редакция, каждый раз грозился это дело бросить, найти работу поприличнее, но ничего не менялось. Да я больше чем уверен: он и не пытался искать, просто принял для себя такую вот роль — выполнять мало кому нужную работёнку за копейки, ругать её на чём свет стоит, жаловаться, ныть, но торчать там до самой пенсии, а то и дольше — пока вперёд ногами не вынесут.

Авария произошла в декабре прошлого года, а виделись мы с ним, кажется, в начале октября перед тем. И именно Андрюхе первому я решил позвонить. Сегодня звонил трижды — в обед, ближе к вечеру и около восьми. Абонент

упорно недоступен. Тогда я написал ему в соцсеть, ещё для верности в пару мессенджеров. Только потом обратил внимание, что он не появлялся онлайн около года. На него совсем не похоже.

Позвонить бы его матери... только номера-то я не знаю. И где она живёт. И даже имени-отчества. Зато знаю, где Андрюха работает... или всё-таки уже не работает? В общем, не помешает проверить. Завтра тем и займусь. Поднимусь в девять, позавтракаю поплотнее, чтоб перегаром не сильно пасло, и двину в редакцию. Нашёл на карте, где они заседают: самый центр города.

Как там девочки говорят в сопливых фильмах? «Спокойной ночи, дорогой дневник», ха-ха!

24 сентября

Побывал в редакции газеты. Дыра дырой. Наверное, с девяностых ничего не менялось — застыли во времени. Комнатушка на первом этаже хрущёвки-общаги, в самом углу коридора. Внутрь каким-то образом втиснули три лакированных письменных стола, а заодно здоровенный стеллаж с подшивками номеров и справочниками.

Застал я там лишь одного сотрудника — старичка с клиновидной бородкой, в очках с толстыми стёклами. Я постучал, приоткрыл дверь, а он продолжал одним указательным пальцем сосредоточенно клацать по засаленной клавиатуре. Только когда я прокашлялся и поздоровался, дедуля невидимым движением скинул очки на кончик носа и поглядел рассеянно на дверной проём. Я представился, объяснил, что разыскиваю Андрея — давно не видел и не могу достучаться.

Старичок откинулся на спинку вращающегося стула, уставился в пустоту, задумался. Снял очки, сунул дужку в рот, причмокнул.

— Да, пожалуй, работал у нас такой молодой человек... А что ж вы на пороге-то топчетесь, любезный?! Проходите, будьте добры.

Я шагнул внутрь, прикрыл за собой дверь. Принимающая сторона представилась: Валерий Георгиевич Леонидов, главный редактор газеты «Над Десной». Шаркая, он выполз из

кресла, мы пожали друг другу руки.

— Исчез ваш приятель, — сказал он.

— Как это — исчез? — спросил я, хотя предугадывал такой ответ.

— А вот так. Исчез. — Валерий Георгиевич принялся расхаживать перед единственным окошком. Был он в строгом костюме, при галстукe и, как ни странно, в резиновых банных шлёпанцах на босу ногу. — Вы знали, что он пьющий был? — Главред уставился мне в глаза поверх очков.

— Догадывался, — искренне приврал я.

— Вот то-то же. — Старик засмотрелся на что-то за окном и принялся вещать неспешно: — Частенько приятель ваш являлся в редакцию с такого похмелья, от какого лично я бы даже в свои могучие годы помер. Не, ну ты ж на работу идёшь, а не к дружкам на посиделки, прости Господи! Ты ж хоть меру соблюдай, будь добр. Выпивай на здоровье, кто ж тебе запретит, да на службу-то в приличном виде приходи, а не как скотина! Согласны вы со мной или нет? Во-о-от. А бывало пару раз и так, что вовсе не являлся. Ну, я-то человек терпеливый, спускал на тормозах и перегар его извечный, и прогулы, и уходы пораньше без спросу. Тут рядом ЦУМ, в цокольном этаже харчевня с пивом дешёвым — Андрей Василич туда знатный ходок был, завсегдатай. Иду я, бывало, мимо окон, а он мне с той стороны ручкой машет, пьяненький. У нас ситуация с кадрами оставляет желать лучшего, сами понимаете. Ветераны все померли или на пенсию

отбыли, а молодежь сюда не шибко торопится, потому как зарплата копеечная. Вся журналистика нынче в интернете, а газеты — уже прошлый век, вот и приходится держаться за тот контингент, что имеется. На место Андрей Василича так до сих пор никого не нашли, между прочим.

— Как же справляетесь? — поинтересовался я.

— Да практикантов к нам направляют с пединститута, с кафедры журналистики, — вот и справляемся. То один поработает, то другой, то третий. Поручишь заметку написать, статейку, интервью взять у заслуженного тракториста — вот тебе и материалу на номер. Понятно, кто-то мухлюет, выдумывает из головы своей бедовой и события, и интервью, но я на это глаза закрываю... Глаза мои уж устали, пора бы и на покой... — Он закусил согнутый палец и надолго застыл — словно выпал из реальности.

— Отчего ж на пенсию не пойдёте? — спросил я. С виду я оценил его возраст лет в семьдесят пять минимум.

— А чего мне на пенсии делать? — встрепнулся он. — На даче ковыряться? Да в гробу я видал такую жизнь! Тут хоть на мероприятия приглашают, грамоты вручают, почести оказывают. А на пенсии кому я нужен? Дети-внуки, вон, в Москве...

— Расскажите, что за ситуация с исчезновением Андрея, — попросил я.

— Какого Андрея? — растерялся главред.

— Который работал у вас, — подсказал я.

— А, Андрей Василич... В общем, упросили они меня отпустить их в командировку в деревню Упорова Топь...

— Это где такая? — спросил я.

— Выгонский район, что-то неподалёку от Куксино — знаете такой посёлок?

— Да, Куксино знаю. Это где сельхозакадемия?

— Вот-вот, оно самое. И оттуда несколько километров по просёлкам, как мне Тимофей Иванович объяснял.

— Кто такой Тимофей Иванович?

— Тоже наш штатный корреспондент был. Друг и напарник Андрей Василича, так сказать. Частенько вместе на задания ездили. Он тоже пропал, вместе с Андрей Василичем... Отправились они порознь, Андрей Василич — днём позже сослуживца, а исчезли всё равно оба... Так вот, Упорова Топь... любопытное название, надо же... По словам Тимофей Ивановича, там бабка его жила когда-то, дом остался. И говорит мне, значит, Тимофей Иванович: Валерий, мол, Георгиевич, а направьте меня в командировку в Упорову Топь фольклор всякий-разный собирать. Стряс двести двадцать шесть рублей денег на компенсацию проезда, ещё и уболтал Андрей Василича с ним отрядить — и тому столько ж средств выделить. Я-то смекаю, что поехали они не за фольклором, а чтоб от конторы поотлынивать да попьанствовать на природе. Выдумали благовидный предлог и проезд на халавку выгадали, так сказать. Ну, я, собственно, сквозь пальцы на это дело посмотрел — деньги-то казённые, зато мате-

риал для номера будет, хоть никому он и не нужен... как и сама газета. — Он надолго замолк.

— И что дальше? — спросил я.

— Ну а что дальше? — очнулся старик. — Дальше они на работу не явились. Ни Андрей, так сказать, Василича, ни Тимофей Ивановича, ни материала из Упоровой Топи. Я сразу подумал, что они в штопор запойный нырнули да в Брянск вернуться забыли. Ну, оно знаете же, как у пьяниц бывает? В заплыв ушёл — а вывести из этого состояния только посредством капельницы, в больничке. Потому подумалось мне, что они в той деревушке глухой напились да забылись. Но увольнять не спешил — уже говорил, что сквозь пальцы смотрю на нарушения трудовой, так сказать, дисциплины. А тут их аж неделю нету — раньше они себе такой наглости не позволяли. Ну, я давай звонить. Телефоны вроде доступны... а вроде и нет... — Главред опять завис.

— Что это значит?

— Поначалу на том конце провода мне какая-то дама почтенного возраста стихи читала. Я раз пятьдесят звонил, так что запомнил:

Иди туда, где топь черна,
Где кровь грязна,
А ночь бела.
Ты там найдёшь себя.
Там время вспять идёт всегда.

— Как будто автоответчик, — продолжал он. — Запись. Интонации всегда одинаковые и сквозь одни и те же помехи. А потом вместо этого зазвучало стандартное «Абонент вне зоны действия сети». Собрался было уж подписать бумаги об увольнении — я, конечно, человек терпеливый и понимающий, иногда даже чрезмерно и неоправданно, однако вот такого сносить уж точно не намерен! А тут, значит, маменька Андрей Василича к нам в редакцию заявляется. Спрашивает, мол, не известно ли, где сыночек запропастился. Я что знаю, то ей и выложил. Посокрушалась по-матерински да ушла...

— У вас её номера телефона нет случайно?

— Нет, не брал. Потом милиция приходила, расспрашивали. Пару раз наведались — и перестали. Я так понял, ничем дело не кончилось. Не нашли ни Тимофей Ивановича, ни Андрей Василича... А деревня та особенная. Сам я не бывал, но говаривают про неё всякое нехорошее.

— Что например?

— А вот Андрей Иванович... то есть Тимофей Василич... Ивaныч... как раз и зацепился за заметку, что в нашей газете появилась в девяносто четвёртом в рубрике «Загадочное и необъяснимое». Была у нас тогда такая. Если хорошо попросите, то постараюсь разыскать в подшивках. — Он солнечно заулыбался щербатым ртом.

— Очень кротко прошу, — заверил я.

— Ну вот и чудненько! — Он прошлёпал банными тап-

ками до стеллажа, стал рыться в подшивках, приговаривая: «Тэ-э-э-э-экс... тэ-э-э-э-экс... тэ-э-э-э-экс... это не то... это не то... и это не то... тут... а, нет, не тут...»

Я тем временем без приглашения уселся за свободный стол. Долго наблюдал за копошением старика.

— Вот она, голубушка, сыскалась! — провозгласил Валерий Георгиевич. — Не девяносто четвёртый, а девяносто пятый год! Маху дал, голова садовая... Держите, изучайте.

Я принял из рук главреда пыльную подшивку. Выпуски в те далёкие времена были раза в два толще, со страничками эротики, мистики и прочей клюквы. Всё это за годы куда-то подевалось, осталось самое скучное.

Вклеиваю ксерокопию той самой статейки.

Сосущие кровь. Паранормальное в деревне Упорова Топь

Есть в нашей области, в Выгонском районе, неподалёку от посёлка городского типа Куксино (того самого, где сельхозинститут) старая-престарая деревня, где обитают старые-престарые тайны...

Начать стоит с названия — Упорова Топь. Есть две версии его происхождения. Первая: в петровские времена сюда ссылали каторжников и нещадно пороли; «Упорова» — от слова «пороть». Другая версия сильнее взбудоражит умы. Она гласит, что «Упорова» — от существительного «упырь», то есть «вампир».

Слухи о недавних местных событиях подтолкнули меня съездить в Упорову Топь и подготовить этот репортаж. Деревня малонаселённая, глухая, хоть и недалеко от Куksiно, а тамошние леса и овраги столь дики и дремучи, что легко навевают мысли о нечисти из старых легенд.

Стоял тёплый, солнечный осенний денёк. С утра пораньше отправился я на автовокзал, взял в кассе билет. Много пенсионеров и дачников. Час тряски — и вот я в Куksiно на конечной остановке. «Икарус» разворачивается на пяточке, где приютилась местная столовая. Пассажиры выходят, то-ропятся по делам. Ловлю за локоть пожилого мужчину, спрашиваю, как пройти в Упорову Топь. Пенсионер почему-то сокрушённо качает головой. Объясняет: надо на другой край ПГТ, оттуда идёт бетонка, с неё свернуть в село Горницы — пройти до конца единственной улицы, потом по грунтовке пойдёшь — не заблудишься.

Деревня Горницы вплотную примыкает к Куksiно, так что поворот свой я сначала пропустил — указателей там нет. Навстречу мне вперевалочку полз трактор. Я помахал рукой мужичку за рулём, остановил, уточнил. Он подсказал, заодно поинтересовался, куда иду. Я честно ответил: в Упорову Топь. Он произнёс что-то вроде: «У-у-у-у-у, брат...» — и покатил дальше, не попрощавшись. Дело приобретало увлекательный оборот. По реакции куksiнских было ясно: Упорову Топь они отчего-то не жалуют.

После Горниц дорога хоть и плохая, разбитая, зато од-

на-единственная — действительно, не заплутаешь. Протопал я всего-то километров пять, но мне показалось, что занял тот путь целую вечность — наверное, из-за контрастов: сначала Куксино с его общежитиями, академгородком и оживлёнными улочками, потом бетонная дорога, крошечная деревенька Горницы, наконец безлюдная грунтовка через зарастающие поля да чахлые перелески. Глубокой осенью пейзажи станут унылыми, а дорога — непроходимой от затяжных дождей.

А вот и Упорова Топь. Меня встретила бывшая церковь 1815 года постройки — приземистая, красный кирпич осыпается, крыша — дырявый шифер. Насколько слышал, в послевоенные годы здание приспособили под хознужды, а теперь оно стоит брошенное среди бурьяна.

Церковь — на взгорке, а вниз, в глубокий овраг, тянется жиденькая улица, затем взбегает вверх по противоположному склону.

Самое время рассказать, что за события подтолкнули меня сюда приехать. Докатился до нашего областного центра слушок: якобы неподалёку от Упоровой Топи, у ручья среди полей, обнаружили тело мужчины, жителя другой деревеньки, что зовётся Паниковец. Пришёл он в Упорову Топь пешком за несколько вёрст купить у одной тамошней старухи самогона, а когда возвращался — заблудился и вроде бы околел: ночи-то уже холодные. И всё бы логично. Увы, в наши времена пьянство стало повальным, особенно в деревнях. По

пути домой хватил мужичок лишку, прилёг в чистом поле — тут тебе и переохлаждение. Но вот в чём загвоздка: вскрытие показало, что в теле мужчины ни капли крови не осталось. Животное высосало? Но в наших краях такие звери не водятся. Чернобыльский мутант?

Событие слишком «удачно» совпало с легендой о происхождении названия деревни. Не зря ведь говорят: дыма без огня не бывает! К тому же вампиры стали в последние годы модным культурным феноменом — фильмы, книги, журналы, городские байки. Вот и решили мы в редакции, что запрашивается небольшое журналистское расследование.

Я стал спускаться по улочке в надежде кого-нибудь встретить. Постучал в одну калитку, в другую — ответом мне был лишь собачий лай. В самом низу вереница домов оборвалась, и мне открылся широкий заливной луг, прорезанный ручьём. К склону прилепился колодец из бетонных колец, рядом лавочка. Вдалеке пасётся пара лошадей. Судя по островкам рогоза и камыша среди косматой травы, тут даже в сухое время года немудрено утопнуть, если не смотреть внимательно под ноги. Отсюда второе слово в названии деревни.

Я пересёк ручей по деревянному настилу и у следующего дома повстречал женщину лет пятидесяти — у крыльца она развешивала по верёвкам бельё. Я поздоровался, представился, показал удостоверение корреспондента. Хозяйка тоже представилась — Матрёна Митрофановна. Начал я издалека: порасспросил женщину о жизни в Упоровой Топи.

Она охотно поделилась, что живётся тяжело: колхозы-совхозы загнулись, муж — механизатором на полудохлой ферме, зарплату месяцами не платят, работать больше нигде. Из-за тяжкой жизни супруг стал сильно пить, жену поколачивать. Дети в город подались, о родителях и о родной деревне почти не вспоминают — изредка черкнут письмецо, ещё реже навестят: мол, заняты мы, поважнее дела есть.

Как только хозяйку удалось разговорить, я перешёл к главному. И вот что рассказала мне собеседница:

— Ой, баба та — человек страшный. Самогонку гонит с куриного помёта, ну натурально! Не знаю уж, чем мужики думают, когда у ней отраву эту берут... наверное, дешевле, чем у других, — вот и берут, денег-то нынче ни у кого толком не водится. Кто и в долг берёт. Старуха-то никому не отказывает. По молодости была первая красавица окрест, а потом тётка ейная, которая ведьмовала, ей дар свой передала. Оно так положено спокон веку — ведьма не помрёт, пока дар свой не перекинет: дочке, внучке, племяннице, соседке — хоть кому. А дар, он на каждую хозяйку по-своему действует. Одна баба хорошая — она добро делать будет, другая баба похуже — она к худу и колдовать будет, порчу насылат, всякое-разное бедствие. Борисовна с молодости ещё взбалмошная была, а тут совсем похужела — потихоньку-помаленьку люди с ней знаться и перестали. Ну, как перестали... По-соседски-то оно осталось, а близко её к себе никто не допускает. Но мужиков она к своей самогонке как-то ж прива-

живает. От клиентов отбою нету — со всех соседних деревень шлят сюда. Вот один, значит, явился так, а домой уж не воротился. Только вот в чём штука-то: не от самогонки он помер. Говорят, кровь у него вся ушла, до капли.

Больше хозяйка ничего полезного не сообщила и прервала разговор: мол, время скотине корм задать. Я поинтересовался, где живёт та самая самогонщица Борисовна. Женщина неопределённо махнула рукой на переулок, что вдоль луговины, и скрылась за домом. Судя по всему, спохватилась, что сболтнула лишнего.

Я отправился, куда она указала. По пути повстречался мне мужчина пенсионного возраста с коромыслом и двумя ведрами воды.

— Да вон в том доме она живёт, — указал на расхлябанную хибару с захламлённым двором и привязанной к колышку козой, что меланхолично перемалывала челюстями жвачку. — Злющая баба, я с ею не связываюсь. Я вообще спиртное не потребляю! Только ежели заходить к ей будешь — знай, у ней сын Митька с зоны надысь откинулся, малый дюже лютый, могёт и с крыльца за шиворот спустить.

Наша редакция — не робкого десятка, так что решился я испытать судьбу. Подошёл к хибаре, был облаян собакой, что вылетела на меня из будки (повезло, оказалась на привязи), постучал в дверь. Ответом мне был пьяный мужской крик изнутри: «Пшёл вон! Нету мамки! Завтра приходи!»

Мужчина с коромыслом дожидался меня на тропинке —

заранее знал, что ничего из моей затеи не получится. Я спросил, как найти место, где труп обнаружили. Он ответил: у рощицы перед переправой через речку Волосовку. Объяснил дорогу — ничего сложного. И полушёпотом сообщил:

— Мужик тот отсюда в тот вечер не один уходил, а с Борисовной. Причём чудно так — кому скажешь, не поверят. На закорках её нёс! Натурально. Она к ему на шею уселась, как ребёнок малый, да поехала. Эт я самолично с окна своего видал. Ещё подивился про себя: как так умственно полноценный мужик на такое согласился? А потом покумекал да смекнул: видать, позабавиться над ним баба удумала. Денег нету, самогонки в долг выпросил — а она, верно, ему и говорит: мне в кое-какое местечко добраться надобно, отвезёшь на закорках — прощу долг. Ну, тот и согласился на унижение, чего уж тут делать. Не верю я в ведьмовство, сказки для дураков. Тут корыстный интерес, ты уж поверь! Да и что у него кровь всю выпили — тож краснобайство. Ежели кровь кто у него и пил, так то жена его, мымра.

— Вы ещё кому-нибудь рассказывали, что видели? — спрашиваю я.

— Не, мне оно без надобности. Мужика уж не вернёшь, а люди эти дюже злые, нехорошие. Ещё дом мне подпалят — и всё. А мне оно без надобности — во как! А ты человек пришлый, приехал и уехал, тебе можно и рассказать.

По склону (не тому, с которого пришёл, а противоположному) я поднялся к кладбищу, у развилки свернул вправо. С

полчаса дорога петляла по полям да лугам, пока не пошла на пологий спуск. Показалась речка, через которую перекинули такой же точно убогонький настил, как через ручей в Упоровой Топи. Та самая переправа. Чуть в стороне — нужная мне рощица, скопление деревьев посреди поля.

Поле недавно вспахали под зиму, но земля была сухая. Я побродил, осмотрелся, перед рощицей обнаружил крошечную лощинку — её увидишь, только если вплотную подойдёшь. Невспаханное углубление с лужицей от грунтовых вод и диким кустарником вокруг неё. Кустарник измят, изломан, земля истоптана, кругом окурки, какой-то сор. Видимо, тут и обнаружили обескровленную жертву, а беспорядок после следственных действий остался.

Ну и в рощицу я тоже заглянул — местечко тенистое, приятное. Обычно так издали выглядят деревенские и хуторские кладбища, но тут под деревьями нет могил, лишь косматая трава, палые стволы, щербатые пни да муравейники по пояс.

Стою, наслаждаюсь прохладой — и вдруг краем глаза улавливаю необычное. На деревьях да кустах верёвочками привязаны к веткам малоприметные вещицы: где свистулька деревянная, где лоскуток ткани, где отбитая от кружки ручка. Были и жутковатые предметы: высушенная голова котёнка, крошечная одноглазая кукла в драном платице, окровавленный бинт... Чувствовалась тут теперь не живительная прохлада после долгого пути под припекающим солнцем, а что-то смутно тревожное. За мной словно наблюдали, но я

не видел, кто и откуда. Будто ниоткуда... и отовсюду одновременно.

Как и полагается, все те экспонаты я сфотографировал, но почему-то именно эти кадры оказались засвечены — все до единого.

По переправе я прибыл в Паниковец. Деревушка малонаселённая, но сильно разбросанная. Пришлось поработать ногами, чтобы отыскать супругу погибшего. Разговаривать она не пожелала — лишь бросила: «Сдох — и слава богу!» — и захлопнула калитку у меня перед носом. Мне оставалось лишь отправиться в Куksiно на конечную.

Верить моему рассказу или нет — дело ваше, дорогие читатели. Однако я убеждён: в русской глубинке до сих пор дремлют тёмные силы, о которых представление у нас с вами весьма слабое. И порой силы эти просыпаются.

*Дмитрий Гайво, собственный корреспондент газеты
«Над Десной»*

— Работает сейчас этот Дмитрий Гайво? — спросил я, дочитав.

— А?! Не-е-е-е-е, — протянул Валерий Георгиевич. Пока я читал, он задремал в кресле. — Ещё в конце девяностых уволил я его. Совсем уж непутёвый работник. Пьяница, каких поискать. Одни пьяницы у нас...

Я сделал ксерокопию статьи, распрощался с главредом и отправился домой. Завтра в Упорову Топь. Зачем — не знаю. Уверен, ни Андрея, ни его напарника не найду, не нападу

на их след — наверняка полиция и без моих гениальных детективных способностей сделала всё что могла. Но мне уже некоторое время отчаянно хочется чем-нибудь себя занять, вернуться к жизни. Думаю, в том и причина. За ночь надо хорошенько отдохнуть. Рано утром в дорогу.

25 сентября

9:00 по МСК

Впервые за долгое время лёг спать трезвым и не подхватился среди ночи в холодном поту от навязчивого сна о той аварии. Вообще ничего не снилось — своего рода прогресс: можно сказать, состояние улучшается. Поднялся в семь утра, что для меня тоже в последний год необычно. Настроение бодрое. Позавтракал с аппетитом.

Оделся в старые изношенные джинсы, вязаный свитер, достал из шкафа осеннюю куртку, которую не надевал лет пять, — страшноватая, как раз для походов да деревенских поездок. Собрал рюкзак — дневник, две шариковых ручки, бутылка воды, бумажные платки. Пойду обуваться.

10:05

Сел в маршрутку до Кукурино. Сейчас туда только они и ходят — каждые полчаса от центрального брянского рынка. Во времена, когда Дмитрий Гайво написал свою эпохальную статью, ходили автобусы с автовокзала, но их отменили. Народу в маршрутке не то чтоб много — будний день всё-таки. Зато в выходные, наверное, не протолкнёшься.

Около 10:40 (пишу поздно вечером)

Домчались с ветерком. Конечная остановка уже не там, где в девяностые, а в центре Кукурино — возле рынка и академгородка. Ранним утром небо хмурилось, но теперь рас-

погодились, даже стало припекать — отголосок бабьего лета. Я снял свитер и засунул в рюкзак, а куртку застёгивать не стал.

Путь до Упоровой Топи спрашивать не пришлось — Дмитрий Гайво описал достаточно точно. По главной улице посёлка я вышел на асфальтированную дорогу, что вскоре привела к повороту в Горницы — тут мне помогла прибитая к столбу дощечка с корявой надписью. Улица по краю оврага спустилась в зелёную низинку, где паслась одинокая корова — долго провожала меня взглядом. Дальше я взбирался на холм по бетонке мимо убранных полей, ангаров да сосновых перелесков. Дорогу подлатали: в девяностые была грунтовка — теперь бетонка.

То, что осталось от церкви, сейчас в том же виде, что и в год визита Гайво, за исключением крыши — за тридцать лет она сгнила и провалилась. Кругом жухлый репейник, напротив начинается вереница домов. Людей не видеть.

По крутой грунтовой улице я спустился на дно оврага, пересёк ручей по мостику из двух перекошенных плит. Пойма за десятки лет не заросла — Дмитрий Гайво словно вот только что сфотографировал. Видать, до сих пор сюда выгоняют лошадей, коров, коз.

У одного из домов на завалинке тётка и дядька. Сидят курят. Издалека было слышно, как они о чём-то спорили на повышенных тонах. Заметили меня — смолкли, стали пялиться. В деревнях всегда так, особенно в глухих, куда посторон-

ний не заглянет без определённой цели.

Я поравнялся с парой — оба насквозь пропитые, тощие как спички, зубов не хватает. Поздоровался — они кивнули в унисон.

— Не подскажите, где тут дом... — Я запнулся. Нужно было заранее продумать, как изъясняться.

— Домов тут немного, — прохрипела тётка. — Какой ну-жон-то?

Я набрал воздуха в лёгкие и объяснил:

— В общем, старый дом. Там когда-то жила пара, у них был внук Тимофей. Его вместе с напарником по газете искали недавно.

Мужик с бабою переглянулись, и лица их выражали что-то вроде: а не дурачок ли вот этот вот пришлый? Мужик প্রশামকাল беззубой бородёнкой:

— Слушай, а Тимофейку-то маленького я помню! И правда — приезжал к бабке с дедом, бегал тут с пистолетиком игрушечным. Правда, давно, годов с двадцать тому. Уж взрослый, поди. А потом бабка с дедом померли — родня приезжать-то и перестали. Егорыч и Семёновна — помнишь, Зинк?

— Помню-помню, — кивнула Зинка. — Тимофейку тож помню. А дом тот сгорел.

— Когда сгорел? — спросил я.

— Када, Гришк? — обратилась Зинка за помощью зала.

— Ды-ы-ы-ы... Лет с десять как...

— Ага, точно, лет с десять как, — часто закивала Зинка.

— То есть с год назад Тимофей сюда не приезжал с другом в бабкин дом?

— Не помню такого, — брякнул Гришка.

— И я не помню, — брякнула Зинка. — Дык в какой же бабкин дом он приедет, если дом-то сгорел?! — Она хлопнула себя по костлявой коленке.

— Сгорел, сгорел, — подтвердил Гришка. — Полыхнул — и нету. Фьють — и усё, поминай как звали!

Я тогда подумал, что парочка путает Тимофея, Андрюхиного приятеля, и его бабу да деда с другой семьёй. Или Тимоха главреду наврал и приезжать сюда даже не собирался.

И тут меня осенило: действительно, наверное, этих двоих не нашли потому, что отправились они в другое место. Возможно, даже из города не выезжали, а, например, зависли у дружка-маргинала (чёрт их знает, с кем они якшались), тот их грохнул, расчленил, фрагменты в разных местах закопал.

— А где дом тот стоял? — спросил я.

— Во-о-о-он тама, — махнул рукой Гришка. — До конца улицы шуруй — да и выйдешь, куды надобно тебе.

— Токо не найдёшь ты тама ничего, — добавила Зинка. — Лет-то порядочно прошло, дом сгорел подчистую — местушко бурьяном и заросло.

Я поблагодарил, но всё же решил дойти и посмотреть. Не зря ведь приехал.

Вдоль реки шла улочка — узкая, сырая, несмотря на

сухую погоду.

— Кто таков, соткудова будете, выюноша? — окликнули меня. — Зачем пожаловали?

У опрятного синего дома с резными наличниками стоял, руки в боки, старик в панаме. Улыбался дружелюбно, но за улыбкой скрывалась настороженность.

Я повторил ему всё. А он мне повторил всё, что ранее поведала алкоголическая парочка: мол, Тимофейку помнит маленьким, бабка его с дедом давно померли, дом лет десять как сгорел, о недавнем визите взрослого Тимофея ничего не знает. Во мне крепло подозрение, что напарники обманули главреда и никуда не поехали. Что с ними произошло и куда подевались — вопрос второй, с Упоровой Топью никак не связанный.

Я попросил показать место. Данилыч — так зовут старика — охотно согласился: вышел в калитку и пошаркал дальше по переулку. Дорожка становилась всё запущеннее, ближе к концу по моим кроссовкам хлестала влажная гусиная трава — здесь она росла уже не только меж колея, но и на них.

— Вот этот дом, — объявил Данилыч, встал напротив заросшего бурьяном участка. Там чуть вздымался холмик, а из него торчал обгорелый бревенчатый угол.

— Да уж, приезжать этим двоим точно было некуда... — произнёс я вслух и спросил у собеседника ещё раз для верности: — Выходит, и никаких следственных мероприятий тут с год назад не проводилось?

— Слушай, золотой мой, — принялся уверять Данилыч, тыча себя пальцем в грудь, — я тут уж тридцать с гаком лет живу. Никуда, считай, не езжу. Деревня маленькая. Если б кипеж какой начался, уж мимо меня оно б точно не прошло. Тут у нас как: один чихнёт — остальные знают. Ты вот приехал — неделю наперёд судачить будем. А если б целая, как ты говоришь, делегация ментов тут шныряла да вынюхивала — вся деревня б на ушах стояла да вспоминали бы потом годами.

Мы двинулись обратно. Чтобы поддержать разговор, я рассказал Данилычу про статью Дмитрия Гайво в газете. Про ведьму Борисовну, про её сына Митьку-арестанта, про высосанный досуха труп. Спросил, на самом ли деле это было. Тут уж дед на меня посмотрел не как на чудака, а как на круглого идиота.

— Ну ты в такое сам-то веришь, сынок? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Ты вот мне про каких-то людей рассказываешь, — продолжал Данилыч, — я тут сколько лет живу, а слыхом про таковских не слыхивал. Мёртвый мужик... кровь выпили... Ну скажешь тоже! Дурь какая, прости господи. У меня внучка таким баловалась, разве что когда кроха совсем была.

— Чем баловалась? Вампиризмом? — неудачно пошутил я.

— Ай, да ну тебя! — добродушно махнул рукой дед. — Ты б лучше квартиру свою пропёрданную бросил да с городу

к нам жить переехал. Тут воздух свежий, природа, простор, птицы. В хорошем месте дурные мысли сами из головы уходят.

Я попрощался.

— А то приезжай как-нибудь с ночёвкой! — пригласил Данилыч.

Я поблагодарил и отправился своей дорогой. На часах было около полудня — не ожидал, что путешествие окажется таким нелепым и так быстро оборвётся. Потому решил сделать крюк — прогуляться до остановки другим путём, мимо той самой рощицы, где Дмитрий Гайво якобы наткнулся на колдовские амулеты. Что-то мне подсказывало: Гайво этот — ~~то ещё брехло~~ такой же выдумщик, как Тимофей. Что ж, вот и проверим. Если там сохранилась переправа в Паниковец, то до Куксино пойду через него. А не сохранилась — вернусь, как пришёл, через Упорову Топь и Горницы.

На вершине подъёма дорогу с обеих сторон обступило кладбище — каждая его половина уходит глубоко в лес. Сотни и сотни могил. Вот она где по-настоящему, Упорова Топь — поколения, поколения, поколения жителей.

Среди надгробий, оград и деревьев мелькнуло белое: появилось, задержалось и затерялось. Кусок материи, вроде простыни. Стало как-то не по себе, засосало под ложечкой.

Я ускорил шаг, миновал кладбище и вскоре оказался у развилки. Влево дорога вдоль перелеска, вправо — пьяно петляя, надвое разрезает вспаханное поле. Если верить

Дмитрию Гайво, то мне направо.

Шагал около трёх километров. Колея накатанная, но ни одного прохожего, автомобиля или сельхозмашины не повстречал. Местами в поле виднелись островки зелени, но пока ни один не напоминал рощицу, где могло бы разместиться небольшое кладбище, — а ведь именно так описывал место Дмитрий Гайво, так оно выглядело и на фотографии.

Поле пошло под уклон, вдалеке показались крыши. Паниковец. Вспаханная земля сменилась жиденьким репьем, и я оказался у речки — той самой, Волосовка называется. Только никакой переправы там уже нет. На берегу тропинка обрывается. На той стороне виднеется её продолжение, но тем отрезком давно не пользовались — кривая колея заросла крапивой мне по грудь. Видать, никто тут не бывает, кроме работников агрохолдинга в посевную и уборочную. В Паниковец им не нужно, так что хлипкий настил естественным образом разрушился, а восстанавливать его некому и незачем.

Я огляделся. Рощица всё-таки существует — пышная шапка зелени посреди поля. Очертания её за годы, конечно, не могли не поменяться, но отдалённо она похожа на островок деревьев, что на последней фотографии в давнем репортаже.

Двинулся туда. С дороги поле кажется ровным, как поверхность стола, на самом же деле я то нырял в нераспаханные ложбины и почти терял лесок из виду — только макушки

торчали над краем, — то выныривал — и деревья вставляли в полный рост. Поначалу думалось, до рощи рукой подать, но она словно то приближалась, то отдалялась. Временами её окутывало розоватое марево — наверное, от распаренной за погожий день земли.

Когда приблизился, навалилась слабость, как перед тошнотой. Захотелось воды. Я остановился, достал из рюкзака пол-литровую бутылочку, раскупорил, присосался, не заметил, как в пару глотков вылакал больше половины. Зря: надо экономить — в Куксино прежней дорогой возвращаться, а это неблизко.

В рощице под берёзами и осинами прохладно — на деревьях ещё много листвы, солнечный свет сквозь неё едва просачивается.

Сколько я протопал в совокупности? Километров восемь, не меньше. И то — если по карте провести несколько прямых линий. А если учитывать все изгибы, спуски и подъёмы, то на добрую десятку потянет. И обратно столько же отмахать придётся. С непривычки меня одолела усталость, а организму стало не до ходьбы — он всеми силами осваивал воду, которую только что получил.

Я уселся на поваленный ствол у края рощицы, лицом к полю. Воздух над вздыбленными коричневыми комьями дрожал и искажался, как в тридцатиградусную жару. Я смахнул со лба крупные капли прохладного пота. Вот что значит год просидеть дома с дурными мыслями и вредными привычка-

ми. Я пристроил локоть на колено, уткнулся подбородком в ладонь, глаза сами собой закрылись.

Проснулся. Руки и ноги сомлели, спина ныла от скрюченного положения. Подняться удалось не сразу — задница прикипела к бревну, голова закружилась.

По полю валяжно расхаживали грачи, дальний его край подёрнулся голубоватой дымкой — приближался вечер. Около семи стемнеет, надо бы поторопиться. Бродить по безлюдью в одиночку ощупью — не больно-то стремлюсь я к таким приключениям.

За спиной шорох. Я обернулся, стал шарить взглядом по рощице. На другом краю меж деревьев мелькнуло белое — складка одежды. Я вскочил. Меня преследуют? Ведь такую же складку белой ткани я заметил на кладбище в Упоровой Топи! Или померещилось? Оба раза? В каком вообще состоянии моя психика?.. Сумасшедший ведь не понимает, что у него нелады с башкой, а у меня все предпосылки в наличии... Чудится, будто я наконец пошёл на поправку, а на самом деле стало только хуже?.. Как с ядовитыми грибами — съешь, сначала скрутит, потом вроде отпустит, а потом вдруг умираешь...

Вот опять мелькнуло!

На кой чёрт я вообще попёрся в эту рощу? А, на ведьмины цапки поглядеть приспичило — те, про которые Дмитрий Гайво писал в статье.

Вот же они, штучки эти, повсюду, привязаны шерстяными нитками к веточкам, стебелькам, корневым отросткам. Синяя тряпица... высушенная лапа животного — кошки или собаки... испачканная землёй рюмка — похоже, украдена с могилы... сплетённый из соломы человечек... гусиное перо... деревянный ножик... спичечный коробок... Всё это не могло провисеть столько лет и сохраниться. Экспозицию кто-то обновляет.

Я накинул на плечи рюкзак, вынырнул из рощицы, сбивчивым шагом заторопился к дороге на Упорову Топь.

Впереди у края ложбины фигура — тоненькая женская, в свободном белом платье, чёрном платке. Незнакомка стояла ко мне спиной, затем исчезла в ложбине, словно в люк нырнула. В такой же одежде похоронили Лилю. Похоронами занимались родители, меня от этих дел отстранили, пустили только проститься. У гроба её многочисленные родственники осуждали меня безмолвно, полосовали косыми взглядами. Личико у неё было как у фарфоровой куколки: повреждения замазали — не придерёшься. Уголки губ приподнялись — она словно улыбалась. Вот только кому? Точно не мне. Не знаю, зачем они её так нарядили — не то платье, не то туника с юбкой — столько ткани и оборок, что не разберёшь... белые одежды и чёрный кружевной платок...

А я точно *был* на её похоронах? Или всё-таки в больнице лежал? Сам ведь в начале дневника писал, что лечился на стационаре в то время... но похороны почему-то хорошо

помню — в моём воспоминании (возможно, ложном) Лиля одета точно как та незнакомка.

Через поле я шёл по своим старым следам, а они проходили у края той ложбины. Я заглянул. Женщины в белом там не оказалось, зато лицом в луже лежал мужчина в брюках, туфлях и бесформенной куртке. Моим первым порывом было помочь — я как-то не подумал, что человеку, который неподвижно лежит лицом в воде, помощь уже, скорее всего, не нужна.

По пыльной траве и колючему кустарнику я спустился. Мужчина — старше средних лет, одутловатый, с плешью. Рядом раскрытая тряпичная сумка. Из неё выглядывает ополовиненная трёхлитровая банка с мутно-коричневой жижей. Я наклонился, откупорил. Понюхал — прослезился. Из банки тянуло спиртом вперемешку с какой-то едкой дрянью.

Я достал мобильник. Сети нет. Но не беда: говорят, в 112 можно дозвониться и без покрытия...

Набрал. Глухо. Даже не тишина — просто голое ничего, пустота. Дозвон оборвался — я попробовал ещё, с тем же результатом. Перезагрузил смартфон — то же самое. На четвёртый раз появились звуки. Треск. Так трещит промозглой ночью костёр.

— Алло! — проорал я. На том конце кто-то хрипло дышал. — Алло! Слышите меня?!

— Иди туда, где топь черна, — произнёс низкий голос, — где кровь грязна, а ночь бела. Ты там найдёшь себя. Там

время вспять идёт всегда. — Старуха захохотала. Её карканье острым буром ввинтилось мне в барабанную перепонку, а потом и в мозг.

Я отключился, но отголоски сатанинского хохота звучали в голове.

Потянул мужика за плечо, перевернул на спину. Лицо бледное — ни кровинки. В бороде застряла не то пиявка, не то ещё какая ползучая дрянь. Он мёртв — сомнений не осталось.

И тут он распахнул глаза. Принялся ими вращать. Остановил взгляд на мне. Судорожно ухмыльнулся. Уж не знаю, как он дышал, лёжа мордой в воде. Про алкашей говорят, они живучи. Трезвый со второго этажа сорвётся и шею себе свернёт, а пьяница кувыркнётся с четвёртого — бок слегка ушибёт, встанет и потребует продолжения банкета.

— Подняться можете? — спросил я. Этот смотрит. — Вы сами откуда? — Смотрит. Ухмыляется. Значит, обойдётся без помощи, хрен моржовый. Пойду, пожалуй, отсюда, пускай сам разбирается...

Только я сделал шаг — он ухватил меня за руку выше кисти. Хватка стальная, пальцы ледяные — даже сквозь куртку. Стиснул до боли, сволочь.

Я толкнул его в грудь — только тогда он отпустил. Я шлёпнулся на задницу, вскочил, отбежал. Пьянчуга поднял голову, глядел на меня с разинутым ртом и облизывался, как кот на сметану.

— Скотина... — процедил я сквозь зубы и стал выбирать-ся из ложбины.

Вышел к речке Волосовке. Через неё настланы крепкие брёвна — и перейдёшь спокойно, и автомобиль проедет, и даже трактор перегнуть можно. Неужто я вышел не к тому месту, откуда раньше через поле отправился к рощице? Ведь по своим же следам возвращался! И дорожка вроде та же, упирается в речку. А на другом берегу... нет, там не та же самая, что я видел прежде, не заросшая, — ею пользуются, есть две накатанные колеи.

Ладно. Паниковец вот он, рукой подать. До Куксино отсюда расстояние поменьше, чем из Упоровой Топи.

Пересёк речку, пошёл по дорожке. Послышались голоса.

Человек пять-шесть мужиков заседали за дощатым столом под навесом. Все небриты, одеты как попало — на ком потрёпанная телогрейка, на ком линялая рубаша, кто в дражном трико и майке-алкоголичке, один мнёт в заскорузлых пальцах кожаный картуз. Сидят выпивают.

Они бы меня не заметили, если б я, дурак, сам не дал о себе знать. Остановился, сказал:

— Уважаемые! — Смолкли, поглядели. Лица угрюмые, враждебные. — Там на поле мужик пьяный валяется. Помо-ему, белку словил. Не ваш? — Они молча глядели на меня, как на диковинного зверя. — Спрашиваю: не ваш друг там? — Ты кто такой? — спросил один.

Вопрос поставил меня в тупик. Что отвечать? Облизнул

губы, собрался. Произнёс:

— С какой целью интересуетесь? — Наверное, не стоило так дерзить.

— Ах ты дрочило городское! — Тот, что мял в руках кепку, юркнул за угол дома. У другого в руках нарисовался об-рез — он переломил его, стал заряжать. Уронил патрон в траву, выматерился. Наклонился, принялся высматривать.

— Дай сюда, ратыка! — Другой собутыльник отобрал у товарища оружие. Тем временем вернулся тот, что убежал. Кепка нахлобучена набекрень, обеими руками он держит на поводке здоровенную овчарку — та рвётся, сопит.

Впереди по дороге изгородь, за ней ряды вскопанных гряд-док. Тупик, похоже. Я помчался обратно к речке. Позади сиплый выкрик:

— Марта, взять!

Четырёхлапый топот стал резво приближаться, а вместе с ним — разгорячённое собачье дыхание.

Я опять куда-то не туда свернул. Не знаю как, ведь не было ни развилки, ни поворота — отрезок дороги был короткий и прямой, как линейка! По заглохшим колеям я вломился в крапиву почти в человеческий рост, собака — по пятам. Стебли хлестали по рукам, шее, лицу, обжигали. Я упёрся в русло. Никакого моста, на другом берегу обрывается дорога, что раньше привела меня из Упоровой Топи к Волосовке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.